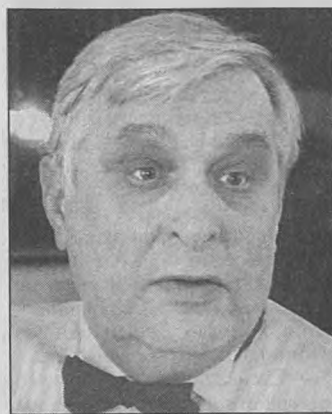

Олег БАСИЛАШВИЛИ: Еще Товстоногов говорил, что за антрепризой будущее

Олег Басилашвили — актер востребованный. И в советском прошлом, и в рыночном настоящем. Сегодня он занят и в своем родном БДТ, и антрепризой. Сейчас он играет сразу в нескольких спектаклях, идущих на сценах столичных театров. Кроме того, он один из самых политизированных артистов театра и кино. Быть граждански активным в годы перестройки было не мудрено. Тогда все или почти все поэты чувствовали себя обязанными быть гражданами. Нынче время другое. Общественные страсти остыли. Многие чувствуют себя обязанными держаться подальше от политики. Олег Басилашвили, как и прежде, чувствует личную заинтересованность в том, что происходит со страной, с его зрителями.

— Что тогда такое для вас антреприза? Просто место, где лучше платят?

— Антреприза — это, во-первых, возможность почувствовать себя свободным и делать то, что тебе интересно. Во-вторых, за это я получаю деньги, на которые могу содержать семью. Я работаю много и тяжело, но не за звание, не за бесплатную путевку в дом отдыха, а за деньги. Антреприза — это работа на других основах, что для меня очень привлекательно. Товстоногов еще 30 лет тому назад говорил, что за антрепризой будущее. Она может быть ужасна, а может быть и прекрасна.

— Олег Валерианович, многие ваши коллеги ностальгируют по прошлым временам, когда актеров знали лучше, чем членов политбюро, а всенародная любовь и интерес к ним были поистине безграничны. Испытываете ли вы какие-либо комплексы по этому поводу?

— Никаких комплексов по этому поводу я не испытываю. Сегодня другие времена, и, кроме театра, существует масса других средств информации, иных форм публицистики. Сегодня театр должен обратить внимание на то, на что и должен обращать всегда, — на жизнь человеческого духа, на поиски истины...

— Вы много работаете в Москве... Взяли тайм-аут в питерском драматическом?

— Да нет, я езжу туда и играю там спектакли. Но сейчас я репетирую в Театре Антона Чехова в пьесе Артура Миллера «Цена» и играю в этом же театре в «Ужине с дураком», а также на сцене Театра Эстрады в спектакле «Калифорнийская сюита». Дело в том, что Большой драматический театр находится на распутье. Несмотря на то что у нас есть очень хорошие спектакли и мы даже получили премию «Маска», сейчас это не тот театр, который осеняет лидер. Возглавляет театр очень порядочный человек Кирилл Лавров, который осуществляет функции художественного руководителя, директора театра, не претендуя на роль режиссера или лидера. Такого лидера, как Товстоногов, Додин или Табаков, у нас нет. Поэтому иногда задаешь себе вопрос: почему ты сегодня вечером идешь в это здание, где работает триста человек, а не в другое, где, кстати, лучше платят?

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

Еще Товстоногов говорил, что за антрепризой будущее

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Вы всегда были таким политизированным человеком или стали им, будучи депутатом?

— Политика помогла мне, как и многим другим, разобраться, что есть добро, а что — зло.

— Интеллигенция и власть — вечные антагонисты, а вы пошли во власть...

— Можно ли говорить обо мне или о моих товарищах, которые стали депутатами, как о власти? Никакой властью мы не обладали. В нашей власти было взять билет от Питера до Москвы и обратно, бегать по делам нашим избирателей, решать их частные проблемы и пытаться принять нужные для людей законы. Это не называется хождение во власть. Вот человек, который стал министром или вошел в правительство, — это человек власти. Мне неоднократно предлагали стать министром культуры — я отказывался. Вы понимаете, мы были очень наивны, когда ходили на демонстрации и кричали «Долой!»... Казалось, уйдут коммунисты — и все сразу станет на свои места. Ну перестали мы бояться КГБ, стали вслух говорить о том, о чем раньше могли только думать, а предпринять что-либо не сумели. Энтузиазм осел. Оказалось, что для этого надо очень много сил и времени, и все разошлось по своим квартирам. И наша сегодняшняя жизнь, наша нищета — это результат нашей пассивности, разобщенности.

— Давайте вынырнем из политики и обратимся к вашей личной жизни и вашей творческой лаборатории. Скажите, вот этот путь — от одного персонажа до другого, абсолютно на него непохожего, — как вы его преодолеваете?

— Это очень сложный процесс. Тут много бессознательного. Вот мы с вами говорили о политике, хотя я не политик. Это ведь идет не от ума. Если я думаю о политике, значит, она меня волнует, помимо сознания, хотя и не без осознания. Когда я хожу по улицам, смотрю телевизор и слышу idiotские высказывания о том, что Александров лучше, чем Глинка. Я не могу спокойно это слушать! Ну как можно сравнивать Глинку с Александровым?! Это все равно, что всерьез сравнивать Пушкина с Михалковым. Вот я вам показал, почему мы с вами разговариваем о политике. Но для чего мы о ней говорим с утра до вечера, я и сам пока не знаю... Это очень важный и трудный процесс для актера — понять цель до конца. Но только поняв, он может строить образ. Что волнует дядю Ваню? Оставить все так, как было при сестре: чтобы утром, как всегда, приходили на террасу, сядились за стол, пили молоко с малиной, играли в серсо... Вот они так и играют все время. В результате дядя Ваня, который мог бы стать Шопенгауэром, просто хороший управляющий.

Цель его сбила. Он понял это, когда уже было поздно. Вот отсюда рождаются характер, жесты, походка персонажа — ничего не придумывается, а как-то само собой получается.

— Вы можете сказать: «Бузыкин из «Осеннего марафона» — это я?»

— Конечно. В каждом мужчине и в каждой женщине живет Бузыкин. Этот фильм — притча о нас, привычных к компромиссу, согласных на конформизм.

— Олег Валерианович, ваш гражданский темперамент плюс актерские эмоции, наверное, большое испытание для ваших домашних?

— Ну конечно... Работа актера очень нервная, и иногда я бываю крайне несправедлив к домашним, к жене.

— Бывали ли у вас такие мгновения, когда вам хотелось, чтобы на сцене была яма, куда бы вы могли провалиться от стыда?

— Конечно, бывали, особенно после премьеры, когда я считал, что сыграл плохо. Когда выходишь на сцену и чувствуешь, что из зала нет никакого отклика, тогда и хочется провалиться. И если какой-то актер скажет вам, что с ним это бывает очень редко, — это неправда.

— Кем вы себя все-таки считаете — москвичом или петербуржцем?

— Конечно, москвичом. Тут я родился, учился и прожил много лет.

— Говорят, что существует антагонизм между Москвой и Петербургом. Так ли это?

— Раньше, когда Петербург носил черты имперской столицы, это действительно было. Я даже помню эти черты. Но сейчас благодаря стараниям советской власти и наших местных начальников стерта разница между городом Петербургом и деревней. Питер стал провинциальным еще и потому, что произошло огромное влияние сельского населения в военную промышленность, которая расположена в центре города. Это, конечно, сыграло свою роль — снизило культурную планку города. Сегодня Питер — такой же город, как Череповец, только с вкраплениями красивых зданий. Леша Герман как-то сказал мне: «Хорошо, что Питер называли культурной столицей России. Это правильно. Вот веду я недавно иностранных гостей к себе домой по Марсову полю, заходим в подъезд, а там сидит на лестнице человек и какает. Увидев нас, он приподнялся и поздоровался. Ну чем не культурный человек в столице культуры?!»

— Вы хотите сказать, что Москва столицнее Питера?

— В каком смысле «столичнее»? Да посмотрите на эти презентации и тут и там! Все те же бантики, поедание икры и голые попы... Это все махровая провинция. Но, думаю, это все пройдет, как корь, — главное, чтобы рябки не остались.

Маргарита РЮРИКОВА